

Глеб Иванович Успенский

Обстановочка

Глеб Иванович Успенский

Обстановочка

Серия «Мелочи», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664745*

Аннотация

«...Наконец на дворе у одного подъезда увидел я ярлычок, на котором то же приглашение «в 4-й этаж» было изображено с соблюдением всех знаков препинания и орфографии. Почерк ярлычка ясно показывал мне, что комнату отдает чиновник: какие-то ненужные и особенно прихотливые крюки букв ясно говорили, что за ними скрывается существо, которому уже давно надоели буквы в обыкновенном своем виде, которому среди однообразного писанья необходимо выдумывать все эти крюки и завитушки, чтобы как-нибудь переносить свою обязанность, и это существо не может быть ни француженкой, ни чухонкой, а непременно должно быть губернским или коллежским секретарем...»

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Обстановочка

I

...Долго ходил я по пыльным и горячим тротуарам Петербурга, отыскивая себе комнату; прочитал множество билети-ков, лепящихся около звонков к дворникам, но ни «шамбр-гарни»¹, изящно выведенные косыми буквами, ни бледно-рыжие приглашения занять «маленки комнат» у чухонца-сапожника не влекли меня пройти в четвертый этаж, в такой-то и такой-то номер, так как мне уже в достаточной степени были знакомы как французские привычки содержательницы шамбр-гарни, желающей всякую муху, которая влетит жильцу в номер, превратить в порцию и получить за нее деньги, так и идиллические нравы чухонского сапожника с чухонской кухаркой, полагающей, что если ее пошлют за папиросами, то их надобно принести непременно в рассоле от селедки.

Наконец на дворе у одного подъезда увидел я ярлычок, на котором то же приглашение «в 4-й этаж» было изображено с соблюдением всех знаков препинания и орфографии. Подчерк ярлычка ясно показывал мне, что комнату отдает чи-

¹ «Шамбр-гарни» (франц. chambros garnies) – меблированные комнаты.

новник: какие-то ненужные и особенно прихотливые крюки букв ясно говорили, что за ними скрывается существо, которому уже давно надоели буквы в обыкновенном своем виде, которому среди однообразного писанья необходимо выдумывать все эти крюки и завитушки, чтобы как-нибудь переносить свою обязанность, и это существо не может быть ни француженкой, ни чухонкой, а непременно должно быть губернским или коллежским секретарем...²

Поднявшись в четвертый этаж, я позвонил

Меня встретил щедушный человек в жиденьком рваном халате, с кривым глазом, скрывавшимся за круглым стеклом синих очков; несмотря на темносиний цвет очков, я мог видеть как кривой глаз, так и здоровый, заметил, что при появлении моем глаз этот вытаращился до значительных размеров и несколько времени довольно часто моргал, выражая чрезмерное изумление, которое, кроме того, подтверждалось всеобщим подергиванием лица с угла на угол.

– Позвольте посмотреть комнату?

– С-с-с удовольствием!.. – вдруг проговорил чиновник и сунулся между какими-то занавесками.

За ним сунулся и я. Мы очутились в довольно приличной комнате. Я стал осматривать комнату кругом, и чиновник делал то же, как будто бы он ее в первый раз видел...

² *Губернский или коллежский секретарь* – должности чиновников. Из 14-ти классов табели о рангах, изданной еще Петром I в 1722 году, это – низшие по классам должности (12-й и 10-й классы).

– Как вы находите комнату? – спросил он наконец, дернув щекой и головой в сторону.

– Мне очень нравится.

– Нравится?.. Гм?..

– Нравится.

– Очень рад!.. Я люблю обстановку... Положим, что я немного стеснился, но я... но жена... но обстановка... все-таки же... обстановочка? не так ли?

– Это так! – сказал я.

– Не так ли? Я откровенно скажу, мы с женой стараемся сделать обстановку... стульчик... кроватку – все, чтобы было хорошо... мы с женой горды... у меня жена институтка, но мы горды! Моя ступка по всему дому ходит...

– Ступка? – спросил я в недоумении.

– Ступка! – сказал чиновник и опять вытаращил глаз.

Очевидно, что в запутанной голове чиновника ворочались какие-то мысли, которые он желал предъявить мне, чтобы зарекомендовать себя с хорошей стороны, но мысли эти, перебиваемые неловкостью минуты «первого знакомства» и дерганьем щеки в сторону, совершенно путались в его голове, и когда из уст чиновника, вследствие тайной связи мыслей, по всей вероятности существовавшей в его уме, одновременно вылетели такие разнородные слова, как «гордость» и «ступка», взаимное родство между которыми было решительно невозможно, по крайней мере для постороннего человека, и когда он в тоне моего голоса заметил недоумение,

то мне делается совершенно понятным, почему после моего вопроса «ступка?» чиновник начал не только дергать глазом и щекой, но принялся чмокать широким выпятившимся ртом и как-то фыркать носом. Оправившись немного, чиновник начал снова:

– Моя жена институтка! – нерешительно пробормотал он. – Она скорее согласится умереть, нежели попросить у соседей чайную чашку. Она горда...

Я начинал понимать, в чем дело...

– Тогда как, – продолжал чиновник, – моя ступка ходит по всему дому... Изломали, испортили – я очень рад! Во всяком случае, что такое ступка? Пустяки! Но, между тем, я настолько горд, мы с женой настолько горды... что я думаю – чорт вас возьми со ступкой! Не так ли? Жена говорит – бог с ними! Мы с женой говорим – бог с вами! Насколько-то хватит гордости... – ступка! что такое? Двугривенный... Не так ли?

Я слушал, чувствуя некоторое головокружение от этой умственной пыли, которая клубами летела в меня из уст чиновника, – пыли, в которой мои глаза слепли и уши глухли от беспрерывно путавшихся ступок с институтками, гордости с обстановкой и со ступкой и т. д., – я поторопился встать, простился и обещал переехать на днях.

II

Фамилия моих хозяев была Гвоздевы. – Муж, чином губернский секретарь, назывался Гаврил Иванович; жена – Клавдия Петровна. Спустя несколько дней после моего переезда хозяин, вполне довольный тем, что мне нравится обстановка его комнаты, объявил, что намерен относиться ко мне не как хозяин к жильцу, «но как человек к человеку»... Если читатель помнит запутанность мыслей в голове чиновника, о которой упомянуто в предшествовавшей главе, то ему будет понятно, почему отношение человека к человеку было не более, как ежеминутное шатание в мою комнату без всякого разбора того, занят я или нет...

– Не как хозяин, но как человек, – говорил он обыкновенно, входя ко мне и отрывая от работы. – Это вы Беранже³ читаете?

– Я пишу... не читаю...

– Гм!..

Хозяин усаживался, и начиналось молчаливое моргание кривым глазом и подергивание щекою и головой в сторону.

³ *Беранже Пьер-Жан* (1780–1857) – французский поэт-демократ, прославившийся своими сатирами, песнями и памфлетами; пользовался особенно большой популярностью в среде демократической интеллигенции 60-х годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.